

ОБ АВТОРЕ

Пол Дэвид Трипп
автор и проповедник,
президент Служения Пола
Триппа (Paul Tripp
Ministries) и директор
Центра пасторской жизни
и заботы (США).

Опасное призвание

Краткое изложение

Вступление. Это *диагностическая* книга.

Она написана для того, чтобы помочь вам честно взглянуть на себя в зеркале Слова Божьего, в зеркале, отражающем ваше сердце и жизнь. Пусть эта книга даст вам увидеть то, что неправильно и нуждается в исправлении, и поможет вам снова подчинить себя исцеляющей и преобразующей силе Евангелия Иисуса Христа.

Не будет преувеличением сказать, что я буквально плакал, пока писал некоторые главы. Тем не менее, когда я писал, это не вводило меня в уныние или безнадежность, а, скорее, побуждало смотреть на Евангелие с более глубокой надеждой и радостью, чем раньше.

Эта книга была написана для того, чтобы осветить проблему пасторской культуры, часто принимающей нездоровые формы и обратить внимание на искушения, которые имеют особый характер и усиливаются спецификой пасторского служения. Похоже, это означает, что я пастор, который настолько смел, что считает, что вы, как и я, нуждаетесь в пасторской заботе, и, по крайней мере, на страницах этой книги я попытаюсь оказать вам такую заботу. Я делаю это, зная, что каждое предупреждение, которое я делаю вам, нужно мне самому, и каждую дозу лекарства благодати, которую я даю вам, я тоже должен принимать.

ЧАСТЬ 1: ИЗУЧЕНИЕ ПАСТОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. На пути к катастрофе

Меня не удивляет, что многие пасторы наполнены горечью, многие испытывают социальный дискомфорт, плюс сложные или дисфункциональные отношения дома, напряженные отношения с сотрудниками и волонтерами, и то, что многие борются с тайным, нерасканным грехом. Может ли быть так, что вся эта борьба усиливается тем фактом, что мы уже не хотим честно смотреть на себя и снижаем библейские требования к себе? Так мы приходим к отношениям с Богом и другими людьми, полагая, что сами ни в чем не нуждаемся. И поскольку мы полагаем, что сами ни в чем не нуждаемся, мы не открываемся, чтобы другие люди служили нам, и не открываемся для обличения Духа. Это заглушает жизнь в наших личных отношениях с Богом. Открытое, искреннее поклонение трудно для человека, который думает о себе как о том, кто уже всего «достиг».

Никто не превозносит присутствие и благодать Господа Иисуса Христа больше, чем человек, который понимает свою отчаянную и ежедневную потребность в этом. Служение перекроило меня. Мне очень неловко это осознавать, но служение перекроило меня так, что мне начало казаться, что я не такой как все, что я существую в уникальной категории, и если я не такой, как все, то мне не нужно то, что нужно всем остальным.

Я во всем стал отождествлять себя со своим служением. Я не думал о себе как о дитя Божьем, ежедневно нуждающемся в благодати, находящегося в процессе моего собственного освящения, все еще находящемся в борьбе с грехом, все еще нуждающемся в теле Христовом и призванном к пастырскому служению. Я думал о себе как о пасторе. Вот и все, точка. Позиция пастора была чем-то намного более значительным, чем призвание и набор данных Богом даров, которые были признаны телом Христовым. Я видел себя «пастором». Таким я был, и в определенном смысле, это оказалось более опасным, чем я мог подумать.

2. Снова и снова

Хотел бы я сказать, что моя история уникальна, и что большинству пасторов не приходится проходить через такие борения, как мне. Я двигался прямо навстречу катастрофе, и, если бы это не проявлялось в виде гнева, это бы обязательно проявилось в чем-нибудь другом. Хотел бы я сказать, что в жизни подавляющего большинства пасторов нет никакой разницы между тем, как они показывают себя на людях и тем, как они ведут себя в личной жизни. Хотел бы я сказать, что большинство пасторов так же искусны в проповедовании Евангелия самим себе, как и другим. Хотел бы я сказать, что большинство пасторов служат, осознавая, что и им требуется глубокое служение. Но я не могу этого сказать. Есть признаки, свидетельствующие о том, что пастор сбился с пути. Он игнорирует явные проблемы в отношениях или в собственном поведении, к тому же отрицая или оправдывая их. Он слеп к проблемам своего сердца и не доверяет тем, кто хочет ему помочь. Его служение не подпитывается личным посвящением. Он не проповедует Евангелие самому себе, не подпитывает свою душу реальностью присутствия Христа, Его обещаниями и благословениями. Он не слушает самых близких ему людей. Результатом становится то, что он обнаруживает, что его

служение стало тяжким бременем и больше не является актом поклонения.

Пастору, попавшему в беду, трудно быть честным перед собой по отношению к своим грехам, слабостям и неудачам. Он боится, что люди подумали бы о нем, и как отреагировали бы на него, если бы они действительно знали, что происходит в его жизни. Он даже может бояться, что потеряет работу. Таким образом, его ответы на проблемы и запросы других людей строятся скорее на страхе, чем на вере. Все это означает, что он больше не получает пользы от защищающего, ободряющего, предупреждающего и восстанавливающего служения тела Христа. Он пытается сделать то, на что никто из нас не способен, — старается самостоятельно быть духовным человеком. Автономное христианство никогда не работает, потому что наша духовная жизнь была задумана Богом как общественный проект.

3. Большие теологические мозги и болезнь сердца

Однажды вечером, после того, как я потратил несколько часов, изучая Послание к Римлянам, меня осенило. Я проводил часы каждый день в течение нескольких месяцев, изучая, возможно, самое обширное и великолепное изложение Евангелия, которое когда-либо было написано, но меня вообще не затрагивало это послание. Все, что там я видел, - это сплошная грамматика и синтаксис, теологические идеи и логические аргументы. Это было обширное интеллектуальное упражнение, но, фактически, полностью лишенное духовной силы для меня.

В тот вечер, держа в руках свои записи с толкованиями, я кое-что узнал о себе и о Священных Писаниях. Мои глаза начали видеть опасность превращения нашей веры в академическое упражнение. Плохие вещи случаются, когда зрелость в большей степени определяется знанием, чем бытием. Опасность возникает, когда вы начинаете любить идеи больше, чем Бога, которого они представляют, и людей, которых эти идеи призваны освободить.

Никто не превозносит присутствие и благодать Господа Иисуса Христа больше, чем человек, который понимает свою отчаянную и ежедневную потребность в этом. Служение перекроило меня. Мне очень неловко это осознавать, но служение перекроило меня так, что мне начало казаться, что я не такой как все, что я существую в уникальной категории, и если я не такой, как все, то мне не нужно то, что нужно всем остальным.

Я во всем стал отождествлять себя со своим служением. Я не думал о себе как о дитя Божьем, ежедневно нуждающемся в благодати, находящегося в процессе моего собственного освящения, все еще находящегося в борьбе с грехом, все еще нуждающемся в теле Христовом и призванном к пастырскому служению. Я думал о себе как о пасторе. Вот и все, точка. Позиция пастора была чем-то намного более значительным, чем призвание и набор данных Богом даров, которые были признаны телом Христовым. Я видел себя «пастором». Таким я *был*, и в определенном смысле, это оказалось более опасным, чем я мог подумать.

2. Снова и снова

Хотел бы я сказать, что моя история уникальна, и что большинству пасторов не приходится проходить через такие борения, как мне. Я двигался прямо навстречу катастрофе, и, если бы это не проявлялось в виде гнева, это бы обязательно проявилось в чем-нибудь другом. Хотел бы я сказать, что в жизни подавляющего большинства пасторов нет никакой разницы между тем, как они показывают себя на людях и тем, как они ведут себя в личной жизни. Хотел бы я сказать, что большинство пасторов так же искусны в проповедовании Евангелия самим себе, как и другим. Хотел бы я сказать, что большинство пасторов служат, осознавая, что и им требуется глубокое служение. Но я не могу этого сказать. Есть признаки, свидетельствующие о том, что пастор сбился с пути. Он игнорирует явные проблемы в отношениях или в собственном поведении, к тому же отрицая или оправдывая их. Он слеп к проблемам своего сердца и не доверяет тем, кто хочет ему помочь. Его служение не подпитывается личным посвящением. Он не проповедует Евангелие самому себе, не подпитывает свою душу реальностью присутствия Христа, Его обещаниями и благословениями. Он не слушает самых близких ему людей. Результатом становится то, что он обнаруживает, что его служение стало тяжким бременем и больше не является актом поклонения.

Пастору, попавшему в беду, трудно быть честным перед собой по отношению к своим грехам, слабостям и неудачам. Он боится, что люди подумали бы о нем, и как отреагировали бы на него, если бы они действительно знали, что происходит в его жизни. Он даже может бояться, что потеряет работу. Таким образом, его ответы на проблемы и запросы других людей строятся скорее на страхе, чем на вере. Все это означает, что он больше не получает пользы от защищающего, ободряющего, предупреждающего и восстанавливающего служения тела Христа. Он пытается сделать то, на что никто из нас не способен, — старается самостоятельно быть духовным человеком. Автономное христианство никогда не работает, потому что наша духовная жизнь была задумана Богом как общественный проект.

3. Большие теологические мозги и болезнь сердца

Однажды вечером, после того, как я потратил несколько часов, изучая Послание к Римлянам, меня осенило. Я проводил часы каждый день в течение нескольких месяцев, изучая, возможно, самое обширное и великолепное изложение Евангелия, которое когда-либо было написано, но меня вообще не затрагивало это послание. Все, что там я видел, — это сплошная грамматика и синтаксис, теологические идеи и логические аргументы. Это было обширное интеллектуальное упражнение, но, фактически, полностью лишенное духовной силы для меня.

В тот вечер, держа в руках свои записи с толкованиями, я кое-что узнал о себе и о Священных Писаниях. Мои глаза начали видеть опасность превращения нашей веры в академическое упражнение. Плохие вещи случаются, когда зрелость в большей степени определяется знанием, чем бытием. Опасность возникает, когда вы начинаете любить идеи больше, чем Бога, которого они представляют, и людей, которых эти идеи призваны освободить.